

Старший констебль Цянь нахмурился. Интуиция подсказывала, что не всё так просто. Линь Цю и другие могли судить со стороны, но Ван Цзыюй, погрязший в любовной путанице, вряд ли мыслил столь же трезво.

— Судя по вашим словам, у Ван Цзыюя не было врагов. Может, убийство на почве ревности? А кто такой этот Янь Цзюнь? Какие у него отношения с наследником?

Линь Цю решительно отверг догадку:

— Не может быть Янь Цзюнь. Вчера его вдруг скрутило — рвота, понос, совсем плох стал. Я специально врача звал. Он так разболелся, что с постели встать не может, всю ночь не выходил. Даже ужин ему сосед Фан Цзя в комнату принёс.

— Навестим Янь Цзюня, — сказал старший констебль Цянь.

Мысль его работала: как же так совпало — в ночь убийства Ван Цзыюя Янь Цзюнь вдруг заболел? Да ещё и сосед его, Фан Цзя, под подозрением в краже ключа.

Первоначальные подозрения старшего констебля Цяня рассеялись, едва он увидел Янь Цзюня. Тот и вправду выглядел ужасно: от поноса совсем обессилел, с кровати подняться не мог, лицо, обычно приятное, теперь жёлтое и осунувшееся, весь вид болезненный. В комнате стоял тяжёлый запах лекарств. Сосед Фан Цзя, помахивая веером, как раз на маленькой жаровне отвар готовил.

Старший констебль Цянь окинул Янь Цзюня оценивающим взглядом: юноша худощавый, лицом красив, обходителен, но с холодцом в манерах. И явно не из бойцов. Даже будь он здоров, с его телосложением и силёнкой он разве что вровень с Ван Цзыюем бы вышел, но не справиться с ним, не одолеть, не изнасиловать и не задушить.

Следуя порядку, старший констебль Цянь всё же спросил об их вчерашних перемещениях.

Фан Цзя ответил:

— Янь Цзюнь болел, всю ночь в постели пролежал, из комнаты не выходил. Я за ним приглядывал, лекарство варил. Наследник, узнав, что Янь Цзюнь прихворнул, тоже пришёл, всю ночь с ним просидел, сам лекарство в него вливал, на флейте играл — чтобы не скучал.

Старший констебль Цянь наблюдал со стороны. Выходило, Янь Цзюнь куда популярнее покойного Ван Цзыюя: о нём и сосед Фан Цзя заботится, и наследник у постели дежурит, и учитель Лю навестил — любимого ученика, искусного в музыке. Видно, сын маркиза Юньань народную любовь снискал.

Старший констебль Цянь спросил Фан Цзя:

— Вы прошлым вечером и сегодняшним утром в общежитии были?

Фан Цзя кивнул:

— Да.

— А вы в курсе, что ключ от Павильона Тяньи пропал?

Фан Цзя изумился:

— Ключ? Вы что, меня подозреваете?

— Старый учитель Кун говорит, вы несколько раз пытались в Павильон Тяньи без спроса проникнуть. Это правда?

Фан Цзя покраснел:

— Да... но я просто из любопытства, книги посмотреть хотел. Раз не пускают — отстал. Я бы ключ не крал! Воровать — не дело благородного мужа. Да я и не знал, где он лежит! И с прошлой ночи я из комнаты не выходил, Янь Цзюнь подтвердит!

Янь Цзюнь, с трудом приподнявшись на кровати, слабо кивнул:

— Господин констебль, Фан Цзя не такой человек. Он всё время со мной был, ухаживал, никуда не отлучался.

Слова Янь Цзюня совпали с тем, что ранее говорил Линь Цю. Старший констебль Цянь кивнул и вопросов больше не задавал.

Выйдя из комнаты Янь Цзюня, старший констебль Цянь решил, что пора поговорить с тем самым наследником князя Ань, Сяо Цзюэ, с которым у Ван Цзыюя были тесные отношения.

Основатель династии Великая Ци происходил из простой семьи и, захватив трон, поклялся, что потомки его будут жить в богатстве и почёте. По установлениям Великой Ци все сыновья императора получали титул князя и свои земли. Достигнув совершеннолетия, они покидали столицу и отправлялись в свои владения, становясь полноправными правителями. Все доходы с земель шли в их казну, они даже могли содержать собственные войска — власть их была огромна. Старший сын князя становился наследником княжества, остальные сыновья получали титул областного князя.

Из-за могущества князей в истории Великой Ци случалось не одно восстание, но все они были подавлены. Ещё при прошлом императоре начали понемногу урезать княжеские права, но успеха не добились — даже спровоцировали мятеж двух князей. В итоге от реформ временно отказались, оставив всё как есть.

Князь Ань Сяо Юй был младшим братом прошлого императора и дядей нынешнего государя Сяо Цзина. С детства он славился умом и талантами, слыл искусным и в гражданских, и в военных делах. Говорили, одно время он даже угрожал положению наследного принца, но прошлый император, как старший законный сын, получил поддержку сановников и в итоге взошёл на престол.

Вступив на трон, прошлый император стал опасаться способного младшего брата и пожаловал ему в удел бедную и далёкую область Сучжоу. Князь Ань вёл себя смиренно, выказывал почтение, исправно платил дань и усердно водил свои войска против кочевников с запада. Постепенно прошлый император успокоился.

Сяо Цзюэ, единственный сын князя Ань, особа высокородная, потому и пользовался в училище особыми привилегиями — жил в отдельной комнате.

Войдя в покои Сяо Цзюэ, старший констебль Цянь, хоть и по служебной надобности явился, вынужден был по этикету преклонить колени.

Сяо Цзюэ находился в комнате. На нём был домашний халат лунного цвета, волосы стянуты тёмно-золотой шпилькой. Весь его облик дышал утончённым благородством. Особенно примечательны были глаза — миндалевидные, словно персиковые цветы, всегда будто подёрнутые нежной дымкой, что придавало лицу оттенок романтической страстности.

Сяо Цзюэ велел старшему констеблю Цяню не церемониться. Обращался он мягко и учтиво, но в каждом жесте, в каждом слове наследника князя сквозила врождённая величавость, незримо давящая на окружающих.

Старший констебль Цянь, человек бывалый, быстро взял себя в руки и сообщил Сяо Цзюэ о смерти Ван Цзыюя.

— Что? Вы говорите... Цзыюй... убит? — Слово громом поражённый, Сяо Цзюэ резко вскочил. Лицо его выражало полное неверие. Убедившись, что это не шутка, он побледнел; в тех самых персиковых глазах отразилась скорбь, на ресницах заблестели слёзы. — Как... как такое возможно? Цзыюй... он был так молод, так прекрасен... Кто же мог быть столь жесток, убить его подобным образом?

— Где он? Я хочу его увидеть, — попросил Сяо Цзюэ.

Старший констебль Цянь внимательно наблюдал за реакцией наследника: шок, сменившийся глубокой печалью. Если Сяо Цзюэ не был причастен, то играл он безупречно — старший констебль Цянь не заметил ни единой фальшивой ноты.

— Тело Ван Цзыюя находится под охраной. Если вы желаете проститься, потребуется разрешение уездного начальника. Но прежде позвольте задать вам несколько вопросов.

Сяо Цзюэ, кажется, немного пришёл в себя. Он вытер уголки глаз рукавом и сказал:

— Спрашивайте, господин констебль. Я расскажу всё, что знаю, лишь бы убийцу поскорее найти.

— Прошу вас рассказать, где вы были прошлым вечером и что делали.

— Я собирался заниматься в Восточном дворе, но под вечер узнал, что Янь Цзюнь внезапно заболел. Потому отменил свои планы и пошёл к нему в комнату. Ему было совсем плохо, и я остался с ним на всю ночь. Играл на флейте, чтобы он не скучал. Ушёл я уже около полуночи, когда он уснул, вернулся к себе и лёг отдыхать.

Показания Сяо Цзюэ совпали со словами Фан Цзя и Линь Цю. Старший констебль Цянь кивнул.

— Когда вы в последний раз видели Ван Цзыюя?

— Вчера утром мы вместе были на уроке живописи. После этого я его не видел.

— Вспомните, не замечали ли вы в его поведении чего-то необычного?

— Это... — Сяо Цзюэ склонил голову, раздумывая, затем нерешительно добавил:

— Если говорить о странностях... обычно после занятий он приходил ко мне ужинать. Но вчера вечером не пришёл. Я подумал, что он, наверное, занят, и не стал беспокоиться.

Старший констебль Цянь посмотрел на Сяо Цзюэ, помедлил, но всё же спросил:

— Простите за бестактность, но я слышал, что между вами и Ван Цзыюем, а также между вами и Янь Цзюнем существовали... особые чувства.

Прекрасное лицо Сяо Цзюэ слегка исказилось. Любовь меж мужчинами была табу, осуждаемым обществом, и столь прямое упоминание о ней, естественно, задело наследника. Однако, понимая, что вопрос задан ради расследования, а не из праздного любопытства, Сяо Цзюэ, хоть и недовольный, сдержался.

— Не знаю, откуда вы почерпнули эти пустые слухи. Цзыюй был моим близким другом по учёбе, а Янь Цзюнь — другом детства, с семьёй которого мы знакомы поколениями. Мы просто хорошо сходились характерами, оттого и общались теснее. Не думал, что со стороны это выглядит как нечто порочное. Но даже если люди ошибаются — это наша личная жизнь, никого более не касающаяся.

<http://bllate.org/book/16283/1467111>